

Лидия ПАВЛЕНКО

 В восторженном смятении
 бежала к вам
 по улицам туманных базилик,
 и пальчиком, приложенным к губам,
 внутри хранила беспокойный крик.
 Сомнения, как ржавую иглу,
 из сердца вынула и выбросила прочь.
 А Вы стояли где-то на углу
 туманных улиц и смотрели в ночь.
 Я к Вам спешила из последних сил,
 и сердце воском таяло в руке,
 и так печально дождик моросил,
 слезами остывая на щеке.
 Вы были там, в неверном круге света,
 и сдерживая беспокойный крик,
 доньне к Вам иду. Но Вы ли это?
 И где та улица туманных базилик?

 Доброе утро, город!
 Я сегодня как будто пьяна.
 Мне сегодня хочется в горы,
 чтобы небо и я — одна.
 Чтоб бездумно бродить по скалам,
 меж камней проползти рекой,
 чтобы солнце меня ласкало
 беспокойной шершавой рукой.
 Чтобы смехом дрожало горло,
 чтобы ночи — совсем без сна.
 Мне сегодня хочется в горы,
 чтобы небо и я — одна.
 Не припомнить... Давно это было,
 и теперь уже позабылось:
 я когда-то была бескрылой,
 а сегодня летать научилась!
 Я вдыхаю тепло каждой порой —
 я все солнце испью до дна.
 Доброе утро, город!
 Я сегодня безумно пьяна...

 Быть может, так шло изначально:
 трепещущей кисти полет —
 и в тихой небесной печали
 усталое солнце встает.
 Прозрачные, легкие тени
 ложатся над гладью полей,
 как отблески тайных рождений,
 как отклики чьих-то смертей.
 Запутавшись в серые ливни,
 уходит остьвшее лето,
 тревожа пронзительной синью
 пугливые блики рассвета.

 Струною тонкою вонзаясь в тишину,
 стрелюю звонкою —
 о, беспокойный звук! —
 твой смех — и я спешу к окну,
 от влажных век не отнимая рук.
 Позволь мне стать лишь
 быстрокрылой тенью
 или одной из тех беспечных птиц,
 и миллионы тайных вдохновений
 зажгутся в глубине
 исплаканых глазниц.

Сестре
 Ах, как звезды вспыхнули жарко
 драгоценной канвой.
 И сошлось изразцовою аркой
 небо над головой.
 Непослушной, витую прядью
 затуманен глаз.
 Вот жемчужного многогордыя
 ниточка порвалась.
 И жемчужины-звезды катятся —
 не зевая! —
 На изношенное свое платьице
 пришивай.

 Накрепко заперты двери,
 тихо и пусто в доме.

Я разучилась верить,
 я разучилась помнить.
 Истоптана моя замять.
 На сердце так нудно и серо...
 Скажите же, где моя память?
 Скажите, где моя вера?

 До боли губы стянуты
 в упрямую черту.
 Обманута! Обманута!
 И солоно во рту.
 До крика пальцы сжаты —
 поди-ка, разними!
 Как старые заплаты,
 печаль с души сними.
 А осень разгулялась
 без усталости, без сна...
 Вот так. Одна осталась.
 Одна, одна, одна...

 Там не солнце — бездна,
 морось, мрак.
 Там не сад чудесный,
 а овраг.
 Там не тихий оклик,
 только крик.
 Там не светлый облик,
 только блик.
 Там в весельи пьяном
 рвутся рты.
 Там не души — ямы,
 там — не ты.

 Мне не откроются двери рая
 за то, что псалмов не пела,
 за то, что крикливая я и злая,
 за то, что прощать не умела.
 За то, что не в рваном рубище,
 а в бархате и в шелках,
 за то, что отвергла любящих
 с ухмылкой на устах.
 За то, что хмельною сытью
 полон мой дом до края,
 за то, что успела забыть я
 блаженную прелесть рая.

 Ты помнишь: вечер, перелив гитары,
 и окна занавешены морозным кружевом.
 И венский стул,
 столь благородно старый,
 и голос твой, до хрипоты простуженный.
 Ты помнишь: чайник истерично
 вздрагивал,
 даваясь клубящимся, пушистым паром.
 Так зло и нежно струны ты вытягивал,
 уютно сгорбившись на венском
 стуле старом.
 Я и доньне за окном завьюженным
 ишу той песни отголосок дальний.
 И вместе с ветром голос твой
 простуженный
 мне что-то шепчет тихо и печально.

 Отпритчала палая листва,
 оплакали последние дожди,
 и горизонт, как тонкая канва,
 хрустальным инеем мерцает впереди.
 И осень неутешно вдовой
 под пологом ислевших плащаниц,
 поникнув златовласой головой,
 пред холодом зимы упала ниц.
 Чужих дорог точеное распятые
 поцеловала теплыми устами,
 испив до дна извечное проклятье,
 как жаркое вино Шампани.
 И покатались вдруг из глаз озерных
 безудержно, как звезды в сентябре,
 потоки слез безмолвных,
 чистых, скорбных,
 искристым снегом остывая на земле.
 Вы слышите: в туманном поднебесьи
 крик замер, одинокий, злой.
 То осень журавлиной песней
 на долгий срок прощается с землей.

 О чем камни шепчут
 в холодном завьюженном сне?
 О том, как бескрылый кречет
 тоскует о теплой весне.
 О том, как серебряной далью
 манит синеокая высь,
 и сосны густою хмарью,
 как пламенем занялись.
 Или о том, как восходит
 солнце в удушливой мгле,
 или как ветер бродит
 по одичалой земле.
 О том, как пушистый снег
 ложится на зябкие плечи,
 о том, как мгновенен век —
 смертный; земной, человеческий.

Как расстаются любимые

Юрий ЩЕКАЛЕВ

Объяснение между ними было коротким, но бурным. Через пять минут, вместивших в себя и взаимные упреки молодоженов, и рожденное в перепалке глубокое убеждение обоих в том, что они не пара, и слезы женщины, и т. д., об пол грохнулась тарелка. Не успели фарфоровые брызги разлететься, как другая тарелка, пущенная теперь уже твердой мужской рукой, украсила пол белоснежными осколками. На этом боевые действия прекратились. Наступила тишина. Противники рассредоточились по углам комнаты и занялись неизбежными при разводе приготовлениями.

Он что-то бурчал себе под нос, укладывая в чемодан книги. Она всхлипывала, сметая с трюма в сумочку батарею косметических тюбиков и склянок.

За этим занятием их и застала ночь. Он, будучи джентльменом, уступил недавней подруге кровать. Сам же расположился на спартанском ложе: на старом пальто другими словами.

Она глядела на невидимый в темноте потолок и заново переживала случившееся. Все было предельно ясным: муж, отказывающийся мыть посуду (подумать только... устал на работе!), — это не муж. Устроить скандал из-за элементарной посуды... Не мог помыть... Нет-нет! Примирения не будет. Хватит!..

Она вспомнила все его поступки за три

месяца совместной жизни. Ничего хорошего за эти месяцы он для нее не сделал. Куда же она глядела, выходя замуж за этого беспардонного грубияна... Она всплакнула и незаметно для себя уснула. Поздно ночью женщина проснулась и долго не могла сообразить — почему рядом нет теплого мускулистого мужчины с мерно поднимающейся в такт дыханию грудью. Она часто любовалась спящим, дорогим ей человеком. Где же он?.. Тут она вспомнила о вчерашнем скандале. Все мгновенно встало на свои места: развод и только развод! А посуду, назло ему, надо пойти и помыть...

Она поднялась. Осторожно ступая в темноте, пошла на кухню. Возле двери столкнулась с ним.

— Ты куда? — спросила она шепотом.
 — На кухню. — с виноватинкой в голосе произнес он.
 — И я на кухню. — расцвела она.

Посуда осталась грязной, зато обе враждующие стороны бок о бок вернулись в комнату, клянясь друг другу в вечной любви.

Через неделю на той же кухне гранатой разорвалась тарелка. И вновь начались спешные приготовления к разводу, которому никогда не суждено будет состояться.

Виктор ПАВЕЛИН

Убит он на фронте врагами,
 Сырою землю зарыт,
 А я заливаюсь слезами,
 И сердце от скорби болит.

Ждала его долгие годы,
 Любовь свою честно храня,
 Погиб он за знамя свободы,
 Осталась с ним верность моя.

Залечены тяжкие раны,
 Людью обновилась земля,
 Но там, где кресты да туманы,
 Зарыта и радость моя.

Инна ВОСКОБОЙНИКОВА

Мне нашепывал ангел

Мне о чем-то нашепывал ангел,
 прислонившись к моей колыбели,
 поправляя мое одеяльце,
 соскользнувшее с розовой ножки.
 Я была лишь младенцем кудрявым,
 но молитвы его понимала
 и, смотря в поднебесные очи,
 все беззубо ему улыбалась...
 Но о чем же нашепывал ангел?
 Может быть, что я стану поэтом
 и войду в этот мир со свечою,
 и зажгу свое солнце искусства?
 Буду я и творить, и смеяться,
 плакать горько, ломать свою душу?
 Но нести свои добрые крылья
 чуть поменьше, чем ангелы носят...
 Вот о чем мне нашепывал ангел
 в день весенний, в священную Пасху.
 И когда я смеялась глазами,
 что полны удивительной тайны,
 светлый ангел нагнулся и нежно
 целовал мою пухлую щеку.
 Свою Библию принял с рояля,
 где она, подустав, отдыхала
 в золотистом своем переплете...
 На меня не взглянул он печально —
 этот ангел скрывал свои слезы...
 Лишь окно отворяя для солнца,
 поглотился заоблачным светом...

Людмила КУШМАНОВА

Ироническая «поэзия»

О многомерности восприятия
 Крики истошные. Топот верблюжий.
 Стоны с хрипом и всхлипами.
 Не волнуйтесь. Не нужно.
 Вперемешку с клипами
 идет «презентация песни»!
 Скорей наступила бы тишина.
 Вот-вот перепонки треснут.
 Скорее бы занавеса пелена
 укрыла нелепые жесты.
 Рев восторга. Обвал овеций.
 — Псих, ты что там бормочешь
 о стрессе?
 — Тебе не в кайф эта презентация?
 — Ну, да. Мы немножко ломаем кресла.
 Зато как держим себя раскованно,
 какой современный визг!
 — Мужик, ты откуда такой «рысковый»?
 Нам в кайф. Ты лучше заткнись.

Райское наслаждение

Если песнями не доймут,
 реклама добить поможет.
 С экрана каждые пять минут
 долдонят одно и то же:
 — Не медлите! Деньги — на депозит!
 — Вы не мужчина без «Мальборо»!
 — Имидж ваш укрепит визит
 на Гаити, Майами, Онтарио.
 — Вернейший выбор — «Хопер-Инвест.»
 (Погасла «звезда МММ.»)
 Опять обещанья — в один присест
 избавить от всех проблем.
 — Скажите слово на букву «Ха»!
 — Райское наслаждение!
 (Вся эта пошлость и чепуха
 додолбит до обалдения).
 И, окончательно обалдев,
 махну-ка и я на Гаити!
 Помчусь в какое-нибудь «МММ»:
 — В акционеры примите!

Не горюй, поэт!

По поводу зря «оплеванных» стихов
 Похвалили с кривой улыбкой.
 В пыль растерли и в прах сожгли.
 Отравили сочувствием липким.
 Поплывали в костер и ушли.
 Не горюй! Под пеплом и прахом,
 всем глумлениям вопреки
 вновь рождается искоркой махонькой
 Феникс твой — начало строки...